

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.8
EDN: VSXVEP

Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ¹, П.А. АМБАРОВА¹

¹ Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.

К МЕТОДОЛОГИИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ БИОГРАФИИ СОЦИАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ¹

Аннотация. Цель статьи — в разработке методологии междисциплинарного изучения биографии социальной общности на основе синтеза социологии и истории. Эта проблематика редко рассматривается в социологической литературе. В качестве основы междисциплинарности авторами были использованы социологические и исторические трактовки, причем как индивидуально-личностной, так и общностной (коллективной) биографии. Выявлены особенности социологического и исторического подходов к исследованию биографии социальной общности. Среди основных методологических проблем исследования — понятие биографии социальной общности, ее структура, характеристика биографического подхода, биография социальной общности как феномен. Показываются, с одной стороны, общие аспекты, с другой — отличия в трактовке биографии индивида и биографии социальной общности, возможности использования тех и других в анализе биографических особенностей обоих субъектов. Раскрывается существо предбиографического, биографического, постбиографического этапов социальной общности. В заключительном разделе статьи описанную методологию авторы частично применяют к определению понятия биографии социальной общности научно-педагогических работников российских вузов, кратко рассматривая основные этапы ее становления и развития.

Ключевые слова: социальная общность; биография социальной общности; научно-педагогические работники; биографический подход; просопография; предбиография; постбиография.

Для цитирования: Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. К методологии междисциплинарного исследования биографии социальной общности // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 1. С. 140–160. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.8 EDN: VSXVEP

Введение. Постановка проблемы

Статья была подготовлена в рамках научного семинара памяти одного из ведущих отечественных социологов Г.С. Батыгина (1951–2003)². С точки зрения авторских научных интересов, касающихся биографических исследований соци-

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00028, <https://rscf.ru/project/23-28-00028/>

² Юбилейный методологический семинар памяти Геннадия Семёновича Батыгина «Социальное познание сегодня: изменяющаяся социология в изменяющемся мире» состоялся 13 ноября 2024 г., Москва, ФНИСЦ РАН.

альных общностей, их методологии и методики, заслуживает внимания в первую очередь книга, изданная под редакцией Г.С. Батыгина, «Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах» [21]. Среди принципов, которых придерживался инициатор проекта, для нашего исследования наиболее важными оказались «антропологизация» истории отечественной социологии; критерии профессиональной идентификации сообщества социологов «первого призыва»; подходы к построению биографических интервью; междисциплинарный характер исследования, соединение биографии и истории.

«Российская социология...» незаслуженно обойдена исследовательским вниманием и спустя четверть века требует нового обращения к ее идеям, в частности, к перечисленным нами методологическим принципам. Определяя значение книги, Б.З. Докторов в своих недавних воспоминаниях пишет: «Намеренно или интуитивно Батыгин сделал значительно больше, чем закрепил в интервью с социологами и написанными ими краткими автобиографиями некоторые факты и обстоятельства рождения нашей науки. Прежде всего, эти интервью были **БИОГРАФИЧЕСКИМИ**, т. е. они вводили в историю социологии главных участников становления советской социологии, таким образом, Батыгин “очеловечил”, или “антропологизировал” историю. Книга представляет российскую социологию не в воспоминаниях [как это значит в ее названии. — Г. З., П. А.], а прежде всего в биографиях, т. е. в жизнях, а теперь — и в судьбах первопроходцев. С годами содержание книги будет приобретать новый смысл, а ее роль в раскрытии процесса становления отечественной социологии будет возрастать» [11].

В «Российской социологии...» мы видим не просто биографии (и фрагменты автобиографий) 25 социологов и ученых, работающих в проблематике на стыке с социологической наукой, а постановку проблематики их профессиональной идентификации. Уже во «Введении» Г.С. Батыгин ставит вопрос о различении социологии и не-социологии, о проблеме профессиональной идентификации социологов: «Вполне сознавая, что попытка отделить “социологов” от “несоциологов” малопродуктивна и может повлечь за собой немало недоразумений, составители избегали строгих критериев и в этом случае. В качестве отдельной дисциплины социология была институционализована только в 1986 году, и даже сегодня, когда выпускникам университетов стали вручать дипломы социологов [1999 г. — Г. З., П. А.], нельзя с уверенностью провести дисциплинарные разграничения... Действительно, социологами можно назвать тех, кто занимался социологией. Точка зрения, тональность, исследовательская манера имеют большее значение для понимания обществоведческой работы того времени, чем специализация» [21, с. 9].

Важно отметить, что проводившиеся Г.С. Батыгиным биографические интервью по своему характеру изначально были попыткой «программного» (то есть однотипного по структуре) изучения жизненного пути информантов. Предполагалось, что интервью по унифицированной схеме выявит содержание основных этапов жизни и научной карьеры: «...первоначальные намерения составителей сборника, — писал Батыгин, — связывались со стандартной схемой тематизации “научной карьеры”: семейное воспитание, интеллектуальные и идейные влияния в юности, выбор профессии, учеба в университете, формирование исследовательских интересов, основные труды и “вклады” в науку, расстановка сил в профессиональном сообществе, характерные эпизоды, итоги творческого пути...» [21, с. 7]. Однако, как

он пишет далее, «к счастью, унифицированную схему повествований выработать не удалось. Пришлось также отказаться от жанровой тематизации материалов. Многие из них действительно близки профессиональной биографии, другие содержат размышления не столько о себе, сколько об обстоятельствах научной жизни того времени, третьи более похожи на заметки» [21, с. 7–8].

Значение исследования истории российской социологии 1950–1960-х гг., предпринятого Г.С. Батыгиным, состоит в том, что оно изначально имело характер междисциплинарного, поскольку базировалось на исторической и социологической методологиях, объединенных общим историко-биографическим содержанием. Это исследование послужило важной предпосылкой дальнейшего развития историко-биографических работ в социологии. В частности, оно вдохновило Б.З. Докторову на такой значимый проект, как изучение собранных им биографий 218 российских социологов семи поколений (по классификации ученого). «Российская социология...», как уже было отмечено, стала источником важных идей и для нашего исследования, посвященного биографии социальной общности. Биографические интервью ученого с социологами были, по сути, одной из первых попыток описать биографию этого научного сообщества (равно как научного сообщества как такового).

Авторы данной статьи полагают, что разработка проблемы биографии социальной общности вносит существенный вклад в развитие социологической теории социальной общности, фундамент которой был заложен работой Ф. Тённиса «Общность и общество» 1887 г. [25]. В современной социологии практически отсутствуют работы, в которых анализируется не индивидуальная биография, а биография социальной общности. В то же время в исторической науке биографический метод реализуется в формате и индивидуального (личностного) жизнеописания, и коллективной биографии — биографии поколений, этнических, социокультурных и иных групп. В связи с этим цель нашего исследования состояла в рассмотрении методологии междисциплинарного изучения биографии социальной общности на основе синтеза социологии и истории.

В статье осуществляется попытка доказать, что биография может характеризовать жизнь не только человека (индивида, личности), но и такого социального феномена, как социальная общность. Соответственно, биографический метод в социологии может быть использован в исследовании не только конкретного индивида, но и социальной общности. Вместе с тем признаки социальной общности целесообразно рассматривать и в процессе изучения биографии человека (индивида, личности) в качестве присвоенных им и ставших индивидуально-биографическими, помогающими увидеть сходство и взаимосвязь между жизненным путем человека и биографией социальной общности. Термин «биография» предлагается рассматривать не традиционно, как принято это делать в связи с описанием жизни (или даже истории жизни) индивида, конкретного человека, а применительно к социальной общности, то есть изначально к определенной группе людей. Попытаемся ответить на вопрос: насколько это правомерно?

Сам термин «биография» — постоянный гость, а можно даже сказать, хозяин на страницах книжных (как печатных, так и электронных) изданий, и означает не что иное, как жизнеописание (рассмотрение жизненного пути) человека в качестве его важнейшей индивидуально-личностной характеристики. Значение

же термина «биография социальной общности» как жизнеописания социальной общности выходит далеко за пределы обычных характеристик событий и этапов, применяемых к жизни человека.

Использование понятия «биография социальной общности» требует анализа видов и форм деятельности (образование, семья, профессиональная работа и др.) людей, составляющих группу, ее роли и места в структуре общественных отношений, связей и взаимодействий с иными группами и общностями, значения этих связей в жизни социума.

В свете сказанного мы определяем, что проблематика биографии социальной общности (начиная с базовых характеристик — понятия, структуры, функций) нуждается в своей теоретической разработке и эмпирической верификации. В этой статье мы подробно остановимся на методологии исследования биографии социальной общности как феномена, а также попытаемся применить некоторые свои позиции к изучению конкретной социальной общности — научно-педагогическим работникам (НПР). Кроме того, наша цель состоит в рассмотрении возможности для трактовки социальной общности использовать биографический метод — наряду с другими, ставшими уже традиционными подходами и методами (общностным, ресурсным, деятельностным и др.).

Трактовка понятия биографии

Вначале остановимся на ключевом понятии нашего текста — «биография». В литературе можно найти бесконечное количество его определений и трактовок. Любой словарь русского (и иного) языка, гуманитарной направленности, иностранных слов обязательно раскрывает содержание слова «биография». Предельно лаконичное определение содержит академический четырехтомный «Словарь русского языка»: биография — это «описание чьей-либо жизни; жизнеописание» [23, с. 90]. С учетом особенностей дисциплинарного подхода остановимся на тех базовых, по нашему мнению, точках зрения и определениях понятия биографии, которые разработаны в социологии. Рассмотрим лишь два из них.

Одно принадлежит Б.З. Докторову, который поставил перед собой задачу связать биографию и биографический метод с социологической и исторической наукой. В своей известной монографии, посвященной решению этой проблемы, он предлагает следующее определение: «*Биография — это некий уникальный, единственный и неповторимый синтез социального, физического и биологического, это история конкретного человека и одновременно некая в чем-то уменьшенная, но где-то и увеличенная копия того периода большой истории, в котором он жил*» [12, с. 56].

Сразу уточним: Б.З. Докторов здесь пишет не о любой биографии, а только о той, которая принадлежит социологу и им создается³. Но от этого ограничения само определение понятия биографии не теряет своего значения, а напротив, укрепляет нас в мысли, что понятие биографии всякий раз соответствует той науке, в рамках которой и для которой оно создается.

³ В ряде эссе последних лет объектом интереса Докторова становятся биографии или биографические описания не только ученых, но и деятелей литературы, культуры и искусства.

Используя приведенное суждение Б.З. Докторова, мы полагаем, что биография социолога может создаваться двумя путями. Первый — им самим, когда социолог по своей либо чьей-то инициативе (к примеру, службы персонала предприятия или учреждения) описывает свой жизненный путь (выражаясь на понятийном уровне, формулирует, или создает свою историю жизни, которая уже «у него за спиной»). Второй путь представляет собой интервью, которое социолог дает как информант другому социологу, выступающему в качестве не только интервьюера, но одновременно и «со-автора» его биографии. Здесь многое зависит от профессионального мастерства интервьюера: так, профессор Б.З. Докторов внес поистине неопределимый вклад в исследование проблемы интервьюирования российских социологов, принадлежащих к выделенным им семи поколениям, опросив более двух сотен коллег.

Другая точка зрения на понятие биографии принадлежит Е.Ю. Рождественской. В монографии, посвященной биографическому методу в социологии, она пишет, что биография выступает как форма самопрезентации и самоописания индивидов в современных обществах. «Биография интегрирует различные жизненные практики в единое целое и вследствие этого принадлежит к основным средствам ориентации и интеракции во множестве социальных ситуаций» [20, с. 19]. Рождественская рассматривает биографию в тесной связи с жизненным путем индивида, историей его жизни. Сама же «история жизни подразумевает жизненный путь, получивший форму истории, т. е. реконструированной последовательности значимых событий, и рассказанной в качестве таковой» [20, с. 21]. Е.Ю. Рождественская вводит понятие центральной социальной функции биографий, которое, как нам кажется, расширяет индивидуально-биографический взгляд до социально-биографического уровня. Эта функция, по ее мнению, «заключается в производстве или концептуализации непрерывности жизненного пути, что возможно при особой модальности биографического опыта. Приобретая тот или иной жизненный опыт, действующий субъект расширяет свое предшествующее знание и повышает свою готовность ориентироваться в сложных или неожиданных ситуациях» [20, с. 26]. Социальная функция биографии, следовательно, позволяет увидеть и применить возможности биографического метода, связанные с жизнедеятельностью социальной общности.

Постановка вопроса о пересмотре биографического метода в социологии, о возможности его использования в изучении социальной общности на первый взгляд необычна, ведь о нем написано уже много работ. Среди них — книги и статьи Е.Ю. Рождественской [3; 16; 17; 20], В.В. Семёновой [22; 24], Е. Здравомысловой [2], В.Б. Голофаства [8], М. Бургоса [4], П. Бурдьё [5], Р. Тёрнера [26] и др. Между тем большинство социологических работ ориентировано на рассмотрение понятия и феномена биографии в контексте истории жизни индивидов, конкретных людей, а значит, не могут обеспечить в полной мере релевантную методологию исследования биографии коллективного социального субъекта.

На первый взгляд биография социальной общности изоморфна биографии человека. Однако значение этого понятия выходит далеко за пределы обычных характеристик событий и этапов жизни человека («родился, учился, женился» и т. д.). Использование понятия «биография социальной общности» требует применения несколько иных методологических принципов, подчеркивающих социальный

характер становления и развития социальной общности. В своем междисциплинарном исследовании биографии социальной общности мы обратились как к методологическому арсеналу социологического подхода, так и к методологическому опыту исторической науки. Начнем с первого.

Социологический подход к исследованию биографии социальной общности

В рамках социологии главной проблемой нам представляется не только (и не столько) понятие биографии человека, сколько соотношение ее с биографией и теорией социальной общности, а также ответ на вопрос: есть ли у социальной общности своя биография, или применительно к ней можно говорить только о теории? Мы считаем, что у социальной общности есть своя биография, которую попытаемся далее теоретически определить, используя существующие трактовки как первой (социальной общности), так и второй (биографии) [13]. При этом обязательным условием является их сопряженность друг с другом, то есть речь идет о биографии именно социальной общности. В предлагаемой нами далее трактовке учитываются не все, а лишь наиболее значимые признаки социальной общности.

Биография социальной общности — это описание и характеристика истории становления, функционирования и развития реально существующей, эмпирически фиксируемой, относительно единой и самостоятельной совокупности людей, связанных устойчивыми формами совместной жизнедеятельности.

Структура биографии социальной общности включает в себя описание истории ее возникновения, функционирования, развития. Это скорее внешний контур, чем внутренний, сущностный пласт социальной общности. Он свидетельствует о появлении общности как реального феномена, выполняющего определенные внутренние и внешние функции в отношении своих членов и ближайшего социального окружения. Биография социальной общности знакомит также с ее достижениями и ограничениями, жизненным опытом людей, находящихся в ней, их деятельностью и проблемами, ценностями, образцами поведения и т. д.

Рассматривая соотношение биографии и теории социальной общности, мы подчеркиваем отличие первой от второй в допуске наличия такой характеристики биографии общности, как ее *определенная историческая протяженность*. Теория социальной общности (в особенности социологическая теория) начинает «жить» (существовать) с того времени, с какого она зафиксирована как теория (концепция), то есть когда ее характеристики начинают соответствовать признакам научной теории (концепции). И живет теория ровно столько, сколько существует предмет этой теории и надобность (потребность) в ней. Исчезает (неважно, по каким причинам) сама социальная общность — и исчезает потребность в развитии ее теории.

Принципиально иной по длительности существования представляется нам биография социальной общности. С одной стороны, общность может существовать ограниченный срок, не иметь большого значения для общества (то есть не вызывать необходимости ее теоретического изучения), не становиться предметом специального исследования и причиной создания особой теории (концепции).

Именно так происходит в динамичных, быстро развивающихся обществах. О некоторых общностях, рождающихся и умирающих в них, мы часто даже не узнаем, настолько их «жизнь» скоротечна, так что их биографии не становятся привлекательным исследовательским материалом. Можно приводить многочисленные примеры возникающих или создаваемых на короткий срок общностей, сообществ, клубов, организаций, структур, команд (в том числе молодежного, субкультурного, религиозного, террористического, экстремистского характера), не являющихся предметом систематических социологических исследований.

С другой стороны, возникают социальные общности, способные существовать на протяжении длительных исторических периодов и вызывающие как теоретический, так и эмпирический, как научный, так и практический интерес. В этом случае и появляется необходимость изучения биографии такой социальной общности. При этом специалисты по использованию метода изучения биографий (правда, не социальной общности, а индивида) говорят о трех основных этапах биографий и их изучения — *предбиографическом, биографическом и постбиографическом*, соотнося их с историческим описанием жизненного пути той или иной личности.

Понятно, что, рассматривая все три этапа биографии человека, авторы имеют в виду не всех людей, а только тех, чей жизненный путь и масштаб значения в общественной жизни продолжают привлекать большое внимание после их ухода из жизни. Именно такие люди и становятся предметом постбиографического анализа их личности. Специально подчеркиваем это обстоятельство потому, что оно может касаться биографии не только человека, но и социальной общности. Ниже мы попытаемся реализовать такой подход к изучению структуры биографии социальной общности НПР, останавливаясь как раз на основных ее этапах — *предбиографическом, биографическом и постбиографическом*. Будем надеяться, что последний у нее далеко впереди, настолько, что его пока совсем не видно, хотя попытки предсказать «смерть» педагогической профессии иногда предпринимаются⁴.

Теперь коснемся более конкретно вопроса об этапах биографии индивида и социальной общности — *предбиографии, биографии и постбиографии*. Предбиография — это этап, предваряющий возникновение биографии и ее начального этапа. Она приобретает особенные черты как у индивида, так и у социальной общности. Главная черта предбиографии состоит в том, что она предшествует физическому и социальному рождению, — соответственно, как человека (индивида), так и социальной общности.

На превращение предбиографии в биографию решающее влияние оказывает семья человека (в которой он родился и воспитывался). В случае социальной общности это социальная среда (социум, общество), благодаря влиянию которой она появилась. Если превращение предбиографии в биографию индивида имеет традиционный социобиологический характер, то процесс превращения предбиографии социальной общности в ее биографию происходит чрезвычайно дифференцированно у социальных общностей разного типа. Одно дело — появление на свет новой профессиональной общности, другое — новой этнической общности,

⁴ Павел Лукша: «Собрать себя как специалиста можно будет и без университета» // Московские новости. 06.01.2013. — URL: <https://www.mn.ru/society/85401> (дата обращения: 24.12.2024)

третье — новой образовательной общности, четвертое — новой религиозной общности и т. д. и т. п. Очевидно, что каждая социальная общность характеризуется своим возникновением как процессом длительным, находящимся под влиянием целого ряда экономических, социальных, политических, культурных и других факторов. Понятно, что этап становления и развития социальной общности включает ряд периодов (раннего становления, созревания, социальной зрелости, старения).

Этапы предбиографии и биографии человека и социальной общности по понятным причинам существенно разнятся по длительности у каждого из субъектов. В еще большей степени это касается постбиографии. Здесь хотелось бы ввести некоторые уточнения, связанные с этим новым термином. Речь идет об определенной категории людей, достигших при жизни заметных или даже выдающихся результатов деятельности, нашедших отражение в их прижизненных биографиях. Сейчас принято говорить о ментальном продолжении жизни этих людей после их физической смерти в тех делах, поступках, результатах, которые они оставили после себя и которые получили общее название «постбиографии».

Таким образом, жизнеописание, получившее вначале отражение в биографии, хронологически заметно расширяет свои границы в «постбиографии». Происходит как бы некоторое временное сближение биографии индивида и биографии социальной общности, которая в темпоральном аспекте, как правило, более продолжительна, чем первая. Более того, постбиография отдельных выдающихся личностей может быть значительно более протяженной по времени, чем биографии многих социальных общностей.

Теперь обратимся к вопросу об использовании термина «биография» применительно к социальной общности. Здесь мы наблюдаем некие метафорические акценты. Они связаны с выделением определенных этапов и периодов в возникновении и развитии феномена, который мы называем «социальная общность». Метафорические акценты — это определенные дублирования этапов хронологического (темпорального, временного) воспроизводства человека (рождение, затем начальный дошкольный период становления личности, школьный период и т. д.).

Грубые аналогии в названии этапов (периодов) возникновения и становления, а затем и развития социальной общности и жизненной биографии индивида мы можем обнаружить без большого труда. Временные интервалы в биографии социальной общности — совсем не те, что временные интервалы в биографии человека. Они существенно различаются своими хронологическими характеристиками и количественно, и структурно, и тем более содержательно. Каждый этап в биографиях социальной общности и человека включает одинаковые по названию, но разные по содержанию «временного наполнения» периоды своего становления, существования, развития, трансформации, исчезновения.

Возникает важный вопрос: насколько признаки социальной общности «биографичны» с позиций биографии человека, или, иными словами, насколько характеристики и различные стороны (аспекты) биографии человека могут быть использованы для трактовки биографии социальной общности? Попробуем ответить на него, используя трактовку признаков биографии социальной общности и биографии человека.

Характеризуя объективные и субъективные признаки социальной общности, мы называли как их общее число (14), так и почти пропорциональный расклад объективных и субъективных признаков [14, с. 109–110]. Рассматривая эти признаки с позиций не только теории, но и биографии социальной общности, мы также говорим о ровном их раскладе. Но общее их число сокращаем более чем в 2 раза, учитывая, что выделенные признаки характеризуют как социальную общность, так и ее биографию. Тогда к главным отличительным особенностям биографии социальной общности мы относим как преимущественно объективные (1, 2, 3), так и преимущественно субъективные (4, 5, 6) признаки:

1) включенность социальной общности и ее биографии в более широкий социальный контекст, систему общественных отношений;

2) наличие у членов социальной общности и ее биографии значимого основания (причины), объединяющего всех участников общности, отвечающего их интересам и способствующего реализации потребностей каждого «быть вместе»;

3) осуществление совместной деятельности членами социальной общности и «участниками биографии», взаимодействия между ними в самых различных сферах повседневной жизни;

4) принятие всеми или большинством членов социальной общности и биографическими «актерами» правил, традиций, ценностей и образцов поведения, характерных для общности;

5) осознание людьми своей принадлежности к социальной общности и ее биографии, возникновение на этой основе чувства «Мы» («Свои») и «Они» («Чужие»), иными словами, самоидентификация членов общности;

6) признание данной социальной общности и в этом смысле ее биографической идентичности существующим социальным окружением, то есть посторонними людьми.

Мы считаем, что названные признаки социальной общности вполне биографичны индивидуально и личностно — в том смысле, что могут быть «перенесены» на конкретного человека, индивида, личность. Все признаки, имеющие как объективный, так и субъективный характер, обуславливают отношение человека к коллективу (любому — трудовому, учебному, спортивному), ближайшему социальному окружению (семье, творческому объединению, дружеской кампании) как к разновидности социальной общности, порождая схожесть, подобие, взаимодействие и взаимопересечение биографий как индивидов, так и социальной общности. Здесь мы и получаем возможность увидеть в биографиях социальных общностей отражение биографий конкретных людей.

В социологии исследование биографий тесно связано с одним из распространенных методов качественного эмпирического исследования, который широко описан в литературе и часто применяется в изучении индивидуальных социальных практик. Биографический метод в социологии направлен на исследование субъективной стороны социальной реальности. При этом применяется анализ жизненного пути отдельного человека. В его основе — изучение личных документов, в особенности когда социолог пытается выявить субъективный смысл и значение социальных процессов, о которых идет речь в этих документах (подробнее о биографическом методе см.: [20; 22]).

Биографический метод в социологии — это важный инструмент, с помощью которого целесообразно изучать жизненные истории людей (life stories) и их влияние на социальные процессы. В основе метода — анализ индивидуальных биографий, социальных взаимодействий людей и их исторического контекста. При этом индивидуальные биографии ценны не сами по себе, а как материал для обобщения и унификации характеристик, используемых в анализе биографии социальной общности. Поскольку биографический метод связан с исследованием субъективного мира людей, постольку он позволяет углубиться в понимание социальных явлений и процессов, выявляя при этом индивидуальные и коллективные опыты и переживания людей. Вместе с тем следует учитывать ограничения этого метода, такие как субъективность данных, сложность обобщения результатов, временные границы биографий.

Далее мы перейдем к рассмотрению методологического опыта исторической науки в трактовке биографии социальной общности. При этом сразу отметим, что историки используют, в отличие от социологов, вместо понятия «биография социальной общности» понятие «коллективная биография».

Исторический подход к исследованию коллективной биографии

Рассмотрение исторического подхода к исследованию коллективной биографии мы начнем, как бы это ни показалось странным, с Роберта Мертона. В одной из своих статей 1938 г. («Наука, технология и общество в Англии XVII в.» [32]), написанной на основе докторской диссертации, американский социолог представил исследование влияния ценностей пуританства на развитие науки в Англии XVII в. Исследование было реализовано в том числе с помощью особого варианта метода просопографии⁵. В основе мертоновской методики было выделение типичных черт представителей социальной группы «средних обезличенных» англичан и использование кодирования качественной информации о них в цифровые (статистические) показатели [28, с. 9–10; 38, р. 42].

В конце 1970-х гг. Р. Мертон предложил создать «Словарь научных биографий», обосновав в одной из своих статей [33] необходимость стандартизации биографических данных ученых — для создания просопографического архива и проведения статистического анализа научных сообществ (например, сообщества социологов науки Т. Куна, Дж. Сартона, К. Поппера). Р. Мертон использовал просопографию в сочетании с наукометрическим методом изучения цитирований. Подробное изложение исследования Р. Мертоном биографии Т. Куна на основе методологии просопографии представлено в статье А.П. Огурцова «Т. Кун: между агиографией и просопографией» [18].

Нужно отметить, что использование Р. Мертоном просопографии было замечено больше историками, нежели социологами. Об этом говорит тот факт, что зарубежные и отечественные историки включают работы Мертона в описание эволюции

⁵ Этимология термина «просопография» связана с греческими словами «человек, лицо» (prosopon) и «пишу» (graphos). Ю.Ю. Юмашева отмечает, что существительное в этом термине стоит во множественном числе — prosora («люди, лица»). Это позволяет перевести термин как «пишу о людях» и подчеркнуть коллективный характер объекта исследований [28, с. 2].

просопографического подхода в истории, а социологи обращают внимание лишь на сами результаты мертоновских исследований, игнорируя метод, которым они были получены. Кроме того, примечательно, что упомянутая работа Мертона “Science, Technology and Society in Seventeenth Century England” в международных системах индексирования всегда относится к рубрике «История», а не «Социология», хотя бы потому, что была опубликована в историческом журнале “Oziris”. Таким образом, можно предположить, что историческая методология просопографии оказала на Мертона большое влияние, поскольку в тот период метод просопографии уже активно использовали в своих исследованиях историки [31; 34] и историки науки [6; 35; 36]. Для социологов же обращение Р. Мертона к просопографии скорее осталось полузабытым фактом истории социологии и социологии науки.

В исторической науке просопография, действительно, имеет богатую историю развития и с точки зрения оформления ее методологии, и с позиций совершенствования методического инструментария. Если принять во внимание мнение историков о том, что просопография — это не просто методологический подход или метод исторического исследования, но еще и особая отрасль (или направление) научного знания, то ее конституирование тем более заслуживает отдельного рассмотрения не только на страницах статьи, но и в жанре монографического исследования. Поскольку тема и задачи статьи ставят определенные ограничения на пути расширения предмета нашего исследования — социологической методологии изучения коллективной биографии, ограничимся отсылкой к работам по этапам развития просопографии в истории [10; 28; 30], но определим некоторые общие принципы и особенности исторической просопографии.

С позиций исторического подхода личность рассматривалась как выражение типичного представителя той или иной социальной группы, а биографические данные использовались как значимые переменные в статистическом анализе социальных процессов того или иного исторического периода [18, с. 13]. Известный историк Л. Стоун определял просопографию как «исследование общих исторических характеристик группы исторических акторов посредством изучения их коллективной жизни» [37, р. 46].

Главное отличие просопографии от традиционного биографического метода, применяемого в методологии case study, заключается в том, что личностные характеристики объекта исследования нивелируются в большом массиве количественной информации по биографиям других представителей социальной группы⁶. В истории просопография представляется набором разных исследовательских техник, общая цель которых — провести организованный сбор данных, отражающих не внутренний мир исследуемых лиц, не их субъективные, уникальные мысли и идеи, а внешние характеристики (происхождение, родственные и семейные отношения, образование, карьеру, социальный статус, религиозную принадлежность и др.) [10]. Собранные биографические сведения дополняются иными количественными и качественными данными, характеризующими социальные процессы и обстоятельства того исторического периода.

⁶ Отметим, что в истории сформировалась особая разновидность просопографии — описательная просопография, или биографика, которая предполагает описание биографии одного лица или небольшого количества лиц (3–5). Однако такая разновидность просопографии не соотносится с феноменом коллективной биографии в социологии, поскольку последняя интересуется не малыми, а массовыми социальными общностями.

Преимуществом просопографической методологии является то обстоятельство, что она позволяет реконструировать коллективную биографию социальной общности в прошлом. Неслучайно некоторые историки считают просопографию не отдельным методом, а методикой или подходом, объединяющим и биографические личные интервью, и изучение документов (в том числе визуальными техниками), и устные истории [19].

Важно то, что просопография позволяет изучать коллективную биографию в динамике. Для этого исследователи определяют и затем выявляют в массиве данных динамические характеристики, в соответствии с которыми фиксируется развитие во времени жизненного пути как отдельного человека, так и всей исследуемой общности [29].

Таким образом, богатые методологические и методические возможности просопографии были открыты прежде всего историками (как зарубежными, так и российскими). Их исследовательский потенциал был использован зарубежными социологами, но остался за границами внимания социологов отечественных. Между тем актуализация просопографической методологии как нельзя точно соответствует задачам социологического исследования биографии социальных общностей, сочетая при этом, с одной стороны, принцип «человекомерного» исследования социальной реальности [9], а с другой — принцип объективно-социологического взгляда на нее.

Особенно это касается многопоколенных социальных общностей, обладающих длительной историей своего существования и оказавших значительное влияние на развитие общества в целом либо его отдельных значимых структур. По мнению представителей многопоколенных социальных общностей (обладающих таким значительным историческим прошлым), им крайне важно знать биографии своих общностей. Они ищут глубокие корни своих семей в историях и биографиях их членов. Эти истории и биографии могут играть особо значимую роль в понимании преемственности и связи с предшествующими поколениями своих социальных общностей, формировать у их членов гордость за принадлежность к ним или, напротив, вызывать тревогу и желание что-то изменить в собственной жизнедеятельности.

Мы полагаем, что среди социальных общностей с многопоколенной историей, имеющих огромное значение для общества и личности, особое место занимают НПР. Биография и история данной социальной общности органично вплетается в историю университетов и высшего образования и заслуживает превращения ее в предмет специального социологического и исторического исследования. Таким образом, возникает возможность использования методологии междисциплинарного изучения социальной общности НПР. В связи с этим стоит остановиться на понятии биографии социальной общности НПР (в том числе российских), критериях ее выделения и основных этапах возникновения и функционирования.

Биография социальной общности научно-педагогических работников российских вузов

Под биографией социальной общности НПР мы понимаем описание исторического процесса профессионально-педагогического становления и развития реально существующей, эмпирически фиксируемой, относительно единой (по целям деятельности,

образу жизни) и самостоятельной совокупности работников, связанных устойчивыми формами совместной активности с целью подготовки специалистов высокой квалификации для различных сфер профессиональной деятельности.

Рассматривая биографию социальной общности НПР, следует говорить о предпосылках, истоках, как хронологических, так и содержательных и организационных. Отметим, что и в Западной Европе, и в России появление этой общности связано с возникновением университетов. Первые европейские университеты возникли в XIII–XIV вв., российские гораздо позднее — в XVIII–XIX вв.

В средневековых университетах было положено начало профессионализации преподавательской деятельности и развитию механизмов самоорганизации и саморегуляции внутри профессиональной корпорации. Главным содержанием профессиональной деятельности европейских средневековых университетских преподавателей было образование, обучение и просвещение — как способ интерпретации, трансляции и диссеминации канонического знания в различных областях. Наука еще не утвердилась в университетах того времени как система производства нового знания. Это значит, что мы можем рассматривать формирование общности преподавателей средневековых университетов как начальный этап биографии НПР. Может быть, точнее даже говорить об их предбиографии. Чтобы получить обоснованный ответ на вопрос о том, что представляет собой эта предбиография, нужен анализ критериев и содержательных характеристик профессиональной деятельности преподавателей средневековых университетов. В качестве таких критериев и содержательных характеристик могут выступить характер профессиональной деятельности и взаимодействия с коллегами «по цеху» и со студентами, специфика образа жизни (в том числе территориальной мобильности), отношений с горожанами, светской и религиозной властью, мировоззрение (в том числе религиозное) и ценности как его основа. Но эта проблема требует специального рассмотрения, что выходит за пределы задачи, поставленной авторами в данной статье. Подробнее с описанием этой деятельности можно ознакомиться в работах П.Ю. Уварова [27] и Е.В. Глаголевой [7].

Вместе с тем мы располагаем достаточными основаниями рассматривать университетских преподавателей в эпоху Средневековья как своего рода протосоциальную общность, на базе которой в Новое время возникла сначала образовательная, а затем и научно-образовательная социальная общность педагогических работников университетов.

В России биография общности педагогов складывалась по-другому. Вплоть до Нового времени ее как таковой не было. Протосоциальная общность педагогов если и формировалась в условиях существования феодальных порядков, то в очень ограниченном количестве приглашенных (в основном из-за рубежа) учителей по математике, иностранным языкам и воспитателей и реально в виде сообщества не выступала. Отдельные люди, воспитывавшие и учившие «недорослей», не имели никакого объединяющего их начала. Высших учебных заведений, тем более под государственным контролем, еще не было.

Ситуация с появлением высшего образования и первых университетов в России никак не была связана с эпохой феодализма. Вслед за Московским университетом (1755 г.) в XIX в. возникли еще девять университетов: Дерптский (Юрьевский), Казанский, Харьковский, Санкт-Петербургский, Александровский

(в Гельсингфорсе), Св. Владимира в Киеве, Новороссийский в Одессе, Варшавский, Томский. Тип этих университетов принципиально отличался от европейского, преподавательские и студенческие сообщества также были совершенно иными.

Вместе с тем не следует забывать, что университеты в России создавались в определенной степени по образцу немецких и испытывали на себе влияние немецких традиций. Именно поэтому они возникали как государственные учреждения (каковыми остаются в подавляющем большинстве и сегодня) [1]. Это обстоятельство не могло не повлиять на положение социальной общности НПР и перемены в ней в течение всего XX в. и начале XXI в.

После 1917 г. в России возникает принципиально новый этап в развитии университетов, а одна из его основных особенностей заключается в создании иных условий для жизни и профессиональной деятельности социальной общности университетских педагогов. В частности, таким важным условием стала актуализация научного знания и его тесная связь с образовательным знанием. В XX в., особенно в его второй половине, эта связь явилась основой содержания современного университетского образования и развития социальной общности НПР.

Биография этой общности в период постреволюционного развития страны тесно связана с открытием большого числа вузов (преимущественно инженерно-технического профиля) как в довоенный, так и в особенности в послевоенный периоды развития системы высшего образования. В 1970–1980-е гг. начался процесс массовизации высшей школы. Базой этого процесса стало наличие двух условий: превращение полного среднего образования во всеобщее обязательное и достаточное количество вузов по всем основным направлениям и специальностям подготовки высшего образования. Тем самым была открыта дорога в вузы большому числу студентов и преподавателей. К 2000 г. счет НПР пошел на сотни тысяч специалистов, занятых в системе вузовского образования. Переход к XXI в. социальная общность НПР встретила в ситуации готовности к переменам (подробнее см.: [15, с. 204–294]).

Далее перейдем к обозначению основных этапов биографии социальной общности педагогических, а затем и научно-педагогических работников (с XVII в. по настоящее время). Но прежде необходимо хотя бы коротко остановиться на критериях используемой периодизации. При этом нужно иметь в виду, что на разных этапах и в рамках разных периодов критерии срабатывали неодинаково или не срабатывали вообще. Сам историко-биографический процесс развития социальной общности педагогических работников занимает такой длительный хронологический интервал, а его насыщение событиями настолько дифференцировано, что попытка выровнять критерии для сравнения основных этапов биографии социальной общности педагогических работников изначально обречена на неудачу.

Рассмотрим критерии периодизации биографии социальной общности НПР. Их несколько. Первый и самый главный — соответствие количества работающих в университетах педагогических работников численности вузов. Конкретизация этого критерия выводит на соотношение численности педагогов и количества специальностей и программ подготовки студентов.

Еще один критерий периодизации требует выявления соответствия численности НПП месту вуза в структуре системы высшей школы страны. Чем более высокую позицию занимает вуз в рейтинге высшего образования, тем больше ставок для преподавателей он получает. На численность педагогов влияет учебный план и учебно-методический комплекс изучаемых дисциплин. В целом можно утверждать, что на изменения в биографии социальной общности НПП воздействует развитие университетов как вширь, так и вглубь.

Что касается критериев периодизации биографии НПП, отражающих качественные изменения рассматриваемой социальной общности, то среди них, конечно, важно выделить и происхождение, и характеристики полученного базового образования, и способы рекрутирования в профессиональную корпорацию, и социальный статус, занимаемый разными группами вузовских преподавателей и ученых, а также образ жизни, карьерные траектории и многие другие объективно фиксируемые характеристики. Но особое значение, на наш взгляд, приобретают критерии, указывающие на изменение субъективных сторон жизнедеятельности НПП, а именно на уровень их субъектности (самостоятельности, автономности), роль в формировании и изменении этоса академической профессии, участие в формировании научных коммуникативных сетей, научных сообществ (школ, кружков). Возможно, это самые сложные для изучения аспекты коллективной биографии НПП, поскольку они требуют не просто обобщения в социальном контексте статистических и историографических данных, но их глубокого социологического понимания и интерпретации. Именно при таком подходе к анализу биографии НПП может проявиться коллективный смысл жизни всей социальной общности не только на конкретном биографическом этапе, но также во всем ее внутреннем развитии.

Назовем и кратко охарактеризуем основные *шесть этапов* периодизации:

- формирование протосоциальной общности (XVII в. – середина XVIII в.): появление первых представителей общности педагогов, включавшей служащих в знатных семьях учителей математики, иностранных языков, воспитателей, гувернеров (гувернанток);
- становление социальной общности преподавателей университетов (середина XVIII–XIX в.): выделение особой группы преподавателей первых российских университетов;
- переформатирование общности научно-педагогических работников советских вузов (1917 г. – начало Великой Отечественной войны) в контексте становления новой системы высшего образования;
- количественный и качественный рост социальной общности научно-педагогических работников в послевоенных условиях восстановления разрушенных и строительства новых вузов (окончание Великой Отечественной войны – начало перестройки в середине 1980-х гг.);
- появление постсоветской общности научно-педагогических работников вузов (вторая половина 1980-х – 1990-е гг.) на фоне реформирования высшего образования;
- развитие современной общности научно-педагогических работников (с 2000-х гг. по настоящее время): восходящая и нисходящая тенденции количественного и качественного преобразования социальной общности НПП в условиях трансформации высшего образования.

Не имея возможности в рамках статьи погрузиться в биографическое содержание каждого из названных этапов, тем не менее отметим, что количественные и институционально-статусные изменения социальной общности НПР российских вузов, происходившие на каждом этапе, отражают лишь внешний контур изменений в коллективной биографии НПР. За ними на самом деле скрывается очень противоречивый, «драматический» ее характер. Он проявляется в тенденциях поступательного развития культуры и самосознания научно-педагогического сообщества и в резких, как это бывает во многих биографиях, разрывах преемственности поколений и ее восстановления, в освоении новых профессиональных и общественных ролей, в частичной потере и возрождении субъектности, нарастании конфликтной внутренней дифференциации социальной общности и в обретении ею вновь единства и корпоративной целостности. Если институциональная история высшего образования и университетов представляет собой более или менее изученный предмет, то коллективная биография НПР, скорее всего, является перспективой социологических исследований высшей школы, с обязательным обращением к междисциплинарному знанию (по меньшей мере, к историческому) и междисциплинарной методологии.

Эти перспективы охватывают не только предбиографический этап развития общности НПР или ранние этапы биографии. Они касаются и современного этапа, охватывающего первую четверть XXI в. Система университетского образования России за это время была подвергнута серьезным испытаниям (внедрение принципов Болонского процесса, ЕГЭ, оптимизация и реструктуризация высшего образования, эпидемия коронавируса, переход на новые формы и методы обучения в системе онлайн и дистанционного образования, специальная военная операция). Биография социальной общности НПР испытала их влияние на себе. А впереди нас поджидает немало других трудностей, с которыми мы наверняка столкнемся в процессе новых трансформаций и новых исследований изучаемой социальной общности.

Заключение

В статье предпринята одна из первых попыток анализа междисциплинарной методологии исследования биографии социальной общности. Две дисциплины послужили основой для его реализации — социология и история. Их использование позволило обратить внимание на связь в изучении биографий таких субъектов деятельности, как социальная общность (у социологов) и коллектив (у историков). Этому способствовали применение общностного подхода у первых и метода просопографии у вторых. В обеих науках использование дисциплинарных трактовок вовсе не означает отказа от индивидуально-личностных характеристик биографий и позволяет сравнивать с ними особенности общностного и просопографического подходов.

Поскольку статья была выполнена в рамках социологического исследования, подведем краткие итоги сделанного в нашей науке в области изучения биографии социальной общности.

Во-первых, было дано определение понятия биографии социальной общности, методологическим фоном для которого стало обращение к характеристике биографии индивида и сравнение с трактовками ее исследования.

Во-вторых, были показаны, с одной стороны, общие аспекты, с другой — отличия в трактовке биографии индивида и социальной общности и возможности использования тех и других в процессе анализа биографических особенностей обоих субъектов.

В-третьих, были раскрыты структура биографии социальной общности, суть социологического подхода к ее изучению, основные этапы социальной общности (предбиографический, биографический, постбиографический).

В-четвертых, методология исследования биографии социальной общности была показана на материалах изучения НПР российских вузов. Были предложены ее понятие и особенности изучения, кратко рассмотрены основные этапы становления и развития социальной общности (вплоть до нашего времени), показана тесная связь с изменениями в сфере высшего образования.

В-пятых, из сказанного выше вытекает следующая задача методологического исследования биографии социальной общности — подготовить почву для эмпирического ее изучения.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зборовский Гарольд Ефимович — доктор философских наук, профессор-исследователь, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. **Телефон:** +7 (343) 375-48-22. **Электронная почта:** garoldzborovsky@gmail.com

Амбарова Полина Анатольевна — доктор социологических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. **Телефон:** +7 (343) 375-48-22. **Электронная почта:** borges75@mail.ru

---

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. Vol. 31. No. 1. P. 140–160. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.1.8

Research Article

GAROLD E. ZBOROVSKY¹, POLINA A. AMBAROVA¹

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

bl. 19, Mira st., 620002, Ekaterinburg, Russian Federation.

TOWARDS THE METHODOLOGY OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH ON THE BIOGRAPHY OF A SOCIAL COMMUNITY

Abstract. The purpose of the article is to develop a methodology for the interdisciplinary study of the biography of a social community based on the synthesis of sociology and history. This issue is rarely considered in sociological literature. The authors used sociological and historical interpretations both of individual-personal and community (collective) biography as the basis of interdisciplinarity. The peculiarities of sociological and historical approaches to the study of the biography of a social community are revealed. The main methodological problems of the study include the concept of the biography of a social community, its structure, the characteristics of a biographical approach, and the biography of a social community as a phenomenon. On the one hand the general aspects are shown, on the other hand the differences in the interpretation of the biography of an individual and the biography of a social community, the possibility of using both in the analysis of the biographical characteristics of both subjects. The essence of the pre-biographical, biographical, and post-biographical stages of a social community is revealed. In the final

section of the article, the authors partially apply the described methodology to the definition of the concept of a biography of a social community of scientific and pedagogical workers of Russian universities, briefly considering the main stages of its formation and development.

Keywords: social community; biography of a social community; research and pedagogical staff (RPS); biographical approach; prosopography; pre-biography; post-biography.

For citation: Zborovsky, G.E., Ambarova, P.A. Towards the Methodology of Interdisciplinary Research on the Biography of a Social Community. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 1. P. 140–160. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.1.8](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.1.8)

Acknowledgements. The research was carried out under the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00028, <https://rscf.ru/project/23-28-00028/> The authors would like to thank the reviewers for their valuable recommendations, which made it possible to improve the article.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Garold E. Zborovsky — Doctor of Sociological Sciences, Research Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. **Phone:** +7 (343) 375-48-22. **Email:** garoldzborovsky@gmail.com
Polina A. Ambarova — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. **Phone:** +7 (343) 375-48-22. **Email:** borges75@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Андреев А.Л. Образование и образованность в социальной истории России: от Средневековья к Новому времени. М.: ВГИК, 2014. — 310 с. EDN: TIFTUN
 Andreev A.L. *Education and Education in the Social History of Russia: From the Middle Ages to Modern Times*. Moscow: All-Russian State University of Cinematography publ., 2014. 310 p. (In Russ.)
2. Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ / Под ред. В. Воронкова, Е. Здравомысловой. СПб.: ЦНСИ, 1997. — 223 с.
The Biographical Method in The Study of Post-Socialist Societies. Ed. by V. Voronkova, E. Zdravomyslova. St Petersburg: Centre for Independent Social Research publ., 1997. 223 p. (In Russ.)
3. Биографический метод: история, методология, практика / Под ред. Е.Ю. Мещеркиной, В.В. Семеновой. М.: Институт социологии, 1994. — 147 с.
The Biographical Method: History, Methodology, Practice. Ed. by E.Y. Meshcherkina, V.V. Semenova. Moscow: Institute of Sociology publ., 1994. 147 p. (In Russ.)
4. Бургос М. История жизни. Рассказывание и поиск себя // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 2. С. 123–130.
 Burgos M. A life Story. Storytelling and Self-discovery. *Voprosy sotsiologii*. 1992. Vol. 1. No. 2. P. 123–130. (In Russ.)
5. Бурдьё П. Биографическая иллюзия // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2002. № 1. С. 75–81. EDN: QBKJOJ
 Bourdieu P. The Biographical Illusion. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya*. 2002. No. 1. P. 75–81. (In Russ.)
6. Гиндилис Н.Л. Просопография в науковедении 80-х годов // Метафизика и идеология в истории естествознания / И.Д. Рожанский, И.В. Лупандин, Г.Д. Гачев и др.; Отв. ред. А.А. Печенкин. М.: Наука, 1994. С. 141–153.
 Gindilis N.L. Prosopography in the Science of the 80s. *Metafizika i ideologiya v istorii estestvoznaniya*. Ed. by I.D. Rozhanskii, I.V. Lupandin, G.D. Gachev et al.; Ed. in Chief A.A. Pechenkin. Moscow: Nauka publ., 1994. P. 141–153. (In Russ.)

7. Глаголева Е.В. Повседневная жизнь европейских студентов от Средневековья до эпохи Просвещения. М.: Молодая гвардия, 2014. — 318 с.
Glagoleva E.V. *The Daily Life of European Students from the Middle Ages to the Enlightenment*. Moscow: Molodaya gvardiya publ., 2014. 318 p. (In Russ.)
8. Голофаст В.Б. Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 71–88. EDN: TZJHEP
Golofast V.B. The Variety of Biographical Narratives. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 1995. No. 1. P. 71–88. (In Russ.)
9. Голубович И.В. Биография: методология анализа в гуманитарном знании // Эпистемология & Философия науки. 2012. Т. XXXIII. № 3. С. 84–97. DOI: 10.5840/eps201233321 EDN: PCOFVR
Golubovich I.V. Biography: Methodology of Analysis in Humanitarian Knowledge. *Epistemologiya & Filosofiya nauki*. 2012. Vol. XXXIII. No. 3. P. 84–97. DOI: 10.5840/eps201233321 (In Russ.)
10. Гончаренко С.А. Просопография: история становления и развития метода // Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя. 2017. № 3. С. 94–100.
Goncharenko S.A. Prosopography: The History of the Formation and Development of the Method. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. 2017. No. 3. P. 94–100. (In Belarus.)
11. Докторов Б. А оказалось, что под пеплом лежат красные угли // Проза.ру [электронный ресурс]. Дата обращения 25.12.2024. URL: <https://proza.ru/2024/10/30/295/>
Doktorov B. And it Turned Out That There Were Red Coals under the Ashes. *Prose.ru*. Accessed 01.06.2024. URL: <https://proza.ru/2024/10/30/295/> (In Russ.)
12. Докторов В.З. Современная российская социология: История в биографиях и биографии в истории. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. — 560 с.
Doktorov V.Z. *Modern Russian Sociology: History in Biographies and Biographies in History*. St Petersburg: Publ. House of European University at Saint Petersburg publ., 2013. 560 p. (In Russ.)
13. Зборовский Г.Е. Есть ли у социальной общности биография? // Известия УрФУ. Проблемы образования, науки и культуры. 2024. Т. 30. № 2. С. 151–163. DOI: 10.15826/izv1.2024.30.2.035 EDN: EGHOMR
Zborovsky G.E. Does the Social Community Have a Biography? *Izvestiya UrFU. Problemy obrazovaniya, nauki i kultury*. 2024. Vol. 30. No. 2. P. 151–163. DOI: 10.15826/izv1.2024.30.2.035. (In Russ.)
14. Зборовский Г.Е. Теория социальной общности. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2009. — 304 с.
Zborovsky G.E. *Theory of Social Community*. Ekaterinburg: The Liberal Arts University publ., 2009. 304 p. (In Russ.)
15. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Научно-педагогические работники в современной России: теория и биография социальной общности. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2024. — 431 с. EDN: PNLXLU
Zborovsky G.E. Ambarova P.A. *Scientific and Pedagogical Workers in Modern Russia: Theory and Biography of a Social Community*. Ekaterinburg: The Liberal Arts University publ., 2024. 431 p. (In Russ.)

16. Мещеркина Е.Ю. Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий // Социологические исследования. 2002. № 7. С. 61–67. EDN: [MPKWPP](#)
Meshcherkina E.Yu. Life Path and Biography: Continuity of Sociological Categories. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2002. No. 7. P. 61–67. (In Russ.)
17. Мещеркина Е.Ю., Астафьева Е.Н., Кошелева О.Е. и др. Биографическое интервью. М.: Изд-во УРАО, 2001. — 86 с.
Meshcherkina E.Yu., Astafeva E.N., Kosheleva O.E., et al. *Biographical Interview*. Moscow: Izdatelstvo University of Russian Academy of Education publ., 2001. 86 p. (In Russ.)
18. Огурцов А.П. Т. Кун: между агиографией и просопографией // Философия науки и техники. 2004. Т. 10. № 1. С. 3–28. EDN: [TTMWVL](#)
Ogurtsov A.P. T. Kuhn: between Hagiography and Prosopography. *Filosofiya nauki i tekhniki*. 2004. Vol. 10. No. 1. P. 3–28. (In Russ.)
19. Петрова М. Современные методы и подходы просопографии (мастерская исследователя) // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10. № 3. С. 939–954. DOI: [10.15826/qr.2022.3.710](#). EDN: [TFHTKH](#)
Petrova M. The Modern Methods and Approaches of Prosopography (A Researcher's Workshop). *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10. No. 3. P. 939–954. DOI: [10.15826/qr.2022.3.710](#) (In Russ.)
20. Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. — 380 с. EDN: [SDSRBR](#)
Rozhdestvenskaya E.Yu. *The Biographical Method in Sociology*. Moscow: Publ. House of HSE, 2012. 380 p. (In Russ.)
21. Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. — 683 с.
Russian Sociology of the Sixties in Memoirs and Documents. Ed. in chief, foreword by G.S. Batygin; Comp. by S.F. Yarmolyuk. St Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute publ., 1999. 683 p. (In Russ.)
22. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. — 292 с. EDN: [VGVMOP](#)
Semyonova V.V. *Qualitative Methods: An Introduction to Humanistic Sociology*. Moscow: Dobrosvet publ., 1998. 292 p. (In Russ.)
23. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 1: А–Й. М.: Русский язык, 1985. — 702 с.
Dictionary of the Russian language. In 4 vols. Vol. 1: A–J. Moscow: Russkii yazyk publ., 1985. 702 p. (In Russ.)
24. Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования / В. Бигуаа, Д. Берто, Е. Долгих и др.; отв. ред. В. Семенова, Е. Фотеева. М.: Институт социологии, 1996. — 426 с.
The Fate of People: Russia XX Century. Biographies of Families as an Object of Sociological Research. Ed. by V. Biguaa, D. Berto, E. Dolgikh, et al. Eds. in chief V. Semenova, E. Foteeva. Moscow: Institute of Sociology publ., 1995. 426 p. (In Russ.)
25. Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д.В. Скляднева. М.: Фонд Университет; СПб.: Владимир Даль, 2002. — 450 с.
Tönnies F. *Community and Society. Basic Concepts of Pure Sociology*. Transl. from Germ. by D.V. Sklyadnev. Moscow: Fond Universitet publ.; St Petersburg: Vladimir Dal publ., 2002. 450 p. (In Russ.)

26. Тёрнер Р. Сравнительный контент-анализ биографий // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 121–133.
Turner R. Comparative Content Analysis of Biographies. *Voprosy sotsiologii*. 1992. Vol. 1. No. 1. P. 121–133. (In Russ.)
27. Уваров П.Ю. Университеты и идея европейской общности // Электронная библиотека Marco Binetti. Дата обращения 27.12.2024. URL: <http://www.binetti.ru/content/335>
Uvarov P.Yu. Universities and the Idea of European Community. *Elektronnaya biblioteka Marco Binetti*. Accessed 27.12.2024. URL: <http://www.binetti.ru/content/335> (In Russ.)
28. Юмашева Ю.Ю. Просопография: к вопросу о периодизации применения метода в исторических исследованиях // Историческая информатика. 2022. № 1. С. 1–51. DOI: [10.7256/2585-7797.2022.1.37566](https://doi.org/10.7256/2585-7797.2022.1.37566). EDN: OZDDBT.
Yumasheva Yu.Yu. Prosopography: On the Question of the Periodization of the Application of the Method in Historical Research. *Istoricheskaya informatika*. 2022. No. 1. P. 1–51. DOI: [10.7256/2585-7797.2022.1.37566](https://doi.org/10.7256/2585-7797.2022.1.37566) (In Russ.)
29. Юркин И.Н. Демидовы — ученые, инженеры, организаторы науки и производства: опыт науковедческой просопографии. М.: Наука, 2001. — 331 с. EDN: RDVLTD
Yurkin I.N. *The Demidovs are Scientists, Engineers, Organizers of Science and Production: The Experience of Scientific Prosopography*. Moscow: Nauka publ., 2001. 331 p. (In Russ.)
30. Charle C. Prosopography (Collective Biography). *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. Ed. by J. Wright. 2nd ed. Vol. 4. Oxford: Elsevier, 2015. P. 256–260. DOI: [10.1016/B978-0-08-097086-8.62146-3](https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.62146-3)
31. Chastagnol A. La prosopographie, méthode de recherche sur l’histoire du Bas-Empire. *Annales Histoire, Sciences Sociales*. 1970. Vol. 25. No. 5. P. 1229–1235. DOI: [10.3406/ahess.1970.422267](https://doi.org/10.3406/ahess.1970.422267)
32. Merton R. Science, Technology and Society in Seventeenth Century England. *Osiris*. 1938. Vol. 4. P. 360–632. DOI: [10.1086/368484](https://doi.org/10.1086/368484)
33. Merton R. *The Sociology of Science: An Episodic Memoir*. Southern Illinois University Press, 1979. 168 p.
34. Nicolet C. Prosopographie et histoire sociale: Rome et l’Italie à l’époque républicaine. *Annales Histoire, Sciences Sociales*. 1970. Vol. 25. No. 5. P. 1209–1228. DOI: [10.3406/ahess.1970.422266](https://doi.org/10.3406/ahess.1970.422266)
35. Pyenson I. Who the Gyes Were: Prosopography in the History of Science. *History of Science*. 1974. Vol. 15. Iss. 3. P. 155–188. DOI: [10.1177/007327537701500301](https://doi.org/10.1177/007327537701500301)
36. Shapin St., Tackray A. Prosopography as a Research Tool in the History of Science: the British Scientific Community. *History of Science*. 1974. Vol. 12. No. 1. DOI: [10.1177/007327537401200102](https://doi.org/10.1177/007327537401200102)
37. Stone L. Prosopography. *Daedalus*. 1971. No. 1. P. 46–79.
38. Verboven K., Carlier M., Dumolyn J. A Short Manual to the art of Prosopography. *Prosopography Approaches and Applications: A Handbook (Prosopographica et Genealogica)*. Ed. by K.S.B. Keats-Rohan. University of Oxford, Linacre College Unit for Prosopographical Research, 2007. P. 35–70.

Статья поступила в редакцию: 30.12.2024; поступила после рецензирования и доработки: 06.03.2025; принята к публикации: 13.03.2025.

Received: 30.12.2024; revised after review: 06.03.2025; accepted for publication: 13.03.2025.